

*Посвящается всем тем,
кому не хватает сил сдерживать
ярость и кто слишком устал
справляться с душевной болью*

Говорят, в день, когда Хаос потерпел поражение, пошел дождь.

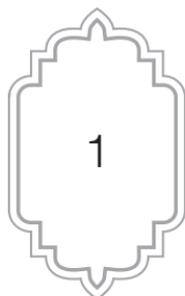
На землю обрушилась не легкая морось со слабым ветерком, а настоящий бурный ливень. Причиной падения стали его дети: их поверженные бранные тела были втоптаны в северную грязь. Отступая, он издал крик, от которого содрогнулись горы. Этот крик вознесся над миром и проник во все города, в каждую щель, затаившись в проблесках света.

Терпение, возлюбленная Хаоса, лишь с грустью наблюдала за его уходом. И хотя сердца обоих переполняла жажда мести, она не спешила к нему. Только ждала, потому что знала: у каждой войны есть конец и за каждым грехом следует наказание.

Да, Хаос вспыльчив. Но Терпение...

О, Терпение точно знает, когда следует нанести удар.

**«Святые и жертвоприношение»,
псалом 266**

Леонцио

С наступлением полуночи его охватила паранойя. Леонцио мерил комнату шагами; сердце бешено стучало в груди, вызывая странное чувство. Кожей он остро ощущал холодный воздух. Язык, от сухости прилипший к небу, как-то неловко ворочался за зубами.

Не в силах больше терпеть, он подошел к двери, распахнул ее и выглянул в коридор. Перед ним словно распростерлась бесконечность, буквально через пару шагов тело поглотила гнетущая темнота.

Стражник, который должен был стоять за дверью, исчез.

И все же последователь не смог заставить себя выйти из комнаты, не желая бродить по темному Палаццо.

У дворца имелись глаза. И Леонцио всю неделю чувствовал тяжесть их взгляда на себе: сначала там, где молился святым, а потом в залах совета, где встречался с остальными представителями священных гильдий. Они следили за каждым его шагом, и даже сияние звезд не могло их отпугнуть.

Как только он вернулся в комнату, досадливая мысль принялась терзать его разум. Чем он занимался до того, как им овладел страх? Искал главного магистрата — точно! Ему требовалось сообщить этому человеку нечто крайне важное. Но *что?*

Леонцио смахнул рукой пот со лба. Зажженная свеча отбрасывала на стены косые тени, чьи мягкие линии изгибались, когда пламя дрожало на ветру из приоткрытого окна. Он, пошатываясь, прошел в другой конец комнаты и распахнул створку шире. Пока ветер ласково обдувал его лицо, он глядел на раскинувшиеся внизу сады, окутанные ночью.

Чьи-то глаза уставились на него в ответ.

Пульс мгновенно подскочил, последователь отпрянул от окна и поспешно задернул штору. *Снаружи* что-то было. Нечто ужасное и нечеловеческое бродило по территории Палаццо. Он не видел этого, но ощущал какую-то неправильность, ее вязкая тяжесть все сильнее сдавливала ему горло.

Он переплел скользкие от пота пальцы, бормоча молитву святому покровителю Смерти. *Его* святому. От него произошла его семья, благословленная даром магии. Однако сегодня эти пылкие мольбы приносили мало утешения: чем больше он сомневался в силе Смерти, тем меньше ощущал присутствие святого.

«*Помоги мне*», — такова была главная его просьба, но становилось только жарче и хуже. «*Наверное, для защиты одних слов недостаточно*», — подумал последователь. Внезапно с подступившей тошнотой им овладел порыв, решительный и неумолимый. И он поддался. Ведь он был всего лишь сторонним наблюдателем, двумя глазами в темнице плоти.

Зрение начало затуманиваться, и он поплелся в соседнюю комнату, опираясь о стену. Леонцио представил, как его ладони оставляют отпечатки на позолоченной краске — эти рыжевато-малиновые мазки привлекут к нему святых. Словно они больше не божества, а захлебывающиеся слюной звери, что рыщут в поисках свежей добычи.

Святые милосердны. Так, во всяком случае, говорилось во всех преданиях.

Но еще в них говорилось о том, что святые жаждут крови.

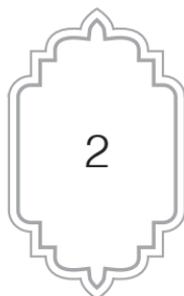
Леонцио рухнул на колени рядом с кучей разномастного мусора, который собрал на территории Палаццо. Он не до конца понимал, когда и почему начал набивать карманы камнями и, подобно обезумевшим садовым ножницам, обрывать ветви с кустов. Ему просто казалось это... необходимым.

Когда с дрожащими руками он опустил на пол, мусор под его весом приобрел другую форму. Каменная поверхность под коленями вселяла спокойствие. Раскладывая деревянные палочки, последователь обращался шепотом не только к Смерти, но и ко всем близким святым.

А затем он поднял нож.

Как только упали первые капли крови, наступило облегчение. Абсолютный страх уступил место желанному покою.

К тому времени, когда он осознал, что умирает, было уже слишком поздно.

Дамиан

Дамиан Вентури устал от смерти. По правде говоря, он устал от всего. Ночные сумерки давно приблизились к рассвету, и ему становилось все труднее удерживать внимание на мертвом теле последователя, распластавшемся перед ним. Он поправил воротник форменного мундира Палаццо в надежде ослабить давление, нараставшее в горле.

Весь вид Леонцио Бьянки, бывшего последователя Смерти, говорил о том, что его отравили. На мертвенно-бледных губах блестел слой отвратительной пены, на предплечьях резко выделялись вздувшиеся, похожие на синяки вены. Несмотря на это, выражение его лица казалось безмятежным, изгиб рта — мягким, будто он безропотно отдался на милость смерти.

Дамиан, еле сдерживая дрожь, отстранился от тела Леонцио. В спальне последователя стоял холод, тусклое мерцание свечи отбрасывало тени на позолоченные стены. Возможно, все дело в обстановке, но было что-то гнетущее в темноте, сгустившейся по краям этого оран-

жевого свечения. Что-то тревожное ощущалось в том, как голова Леонцио была повернута лицом к зеркалу на другом конце комнаты, отражаясь в нем.

— Ну что?

Голос главного магистрата прервал осмотр Дамиана: от испуга он заметно отшатнулся от кровати. На его лбу выступил пот. Смерть неизменно возвращала его во времена, проведенные на войне. Грудь тут же сдавило, кровь вскипела в жилах, а ноги налились свинцом, словно он волочил их по грязи.

— Не знаю, — ответил Дамиан, поворачиваясь лицом к главному магистрату. Он говорил отрывисто, но вежливо. Ярость магистрата буквально витала в воздухе: Дамиан почувствовал ее в тот самый миг, когда мужчина вошел в комнату. — Могло ли это быть самоубийством?

Главный магистрат Форте, последователь Изящества, высокий человек с безупречно зачесанными волосами и тонкими усами, взглянул на Дамиана поверх очков. Форте занимал должность, на которую был избран представителями гильдии на смену его предшественнику, чуть больше года. Не так уж часто подобную роль исполнял один из последователей Изящества, поэтому Дамиан задавался вопросом: не этот ли опыт сделал Форте таким жестоким и бескомпромиссным человеком, каким он видел его сейчас перед собой?

— Самоубийство? — Форте насмешливо повторил озвученное предположение, ощупывая руками одежду и простыни покойника в поисках какой-нибудь подсказки. Последователи Изящества обладали особой связью с такими вещами: именно это умение делало их превосходными ткачами, способными создать из ткани что угодно: от брюк до гобеленов, не прибегая

к нитке и иголке. — Это было бы очень удобно для вас, синьор Вентури.

— Прошу прощения? — невольно сорвалось с языка Дамиана. Будучи главным магистратом, Форте считался земным гласом святых, однако это звание не наделяло его особой тактичностью. Дамиан вернулся в Омбразию всего год назад и точно успел в этом убедиться.

— Будь это добровольный уход, — продолжил Форте, — это не значило бы, что стража Палаццо не справилась с защитой высокопоставленного государственного чиновника.

Произнося эти слова, он не смотрел на Дамиана. Главный магистрат отстранился от кровати, а между его кустистыми бровями пролегла хмурая складка.

— Леонцио определенно умер в этой одежде, в остальном же ничего необычного в ней нет. — Взмахом руки простыни расправились и накрыли тело последователя.

Дамиан обрадовался, что ему больше не придется смотреть на мертвеца, однако его облегчение испарилось с последующими словами Форте:

— Кстати о страже Палаццо. Где ты находился прошлой ночью, Вентури? Разве в твои полномочия не входит предотвращать подобные происшествия?

В душе Дамиана вспыхнуло недовольство, но он стиснул зубы в попытке сдержать рвущийся наружу ответ.

— Приношу свои извинения, *mio signore**. Я был в Меркато.

* *Mio signore* (итал.) — мой синьор.